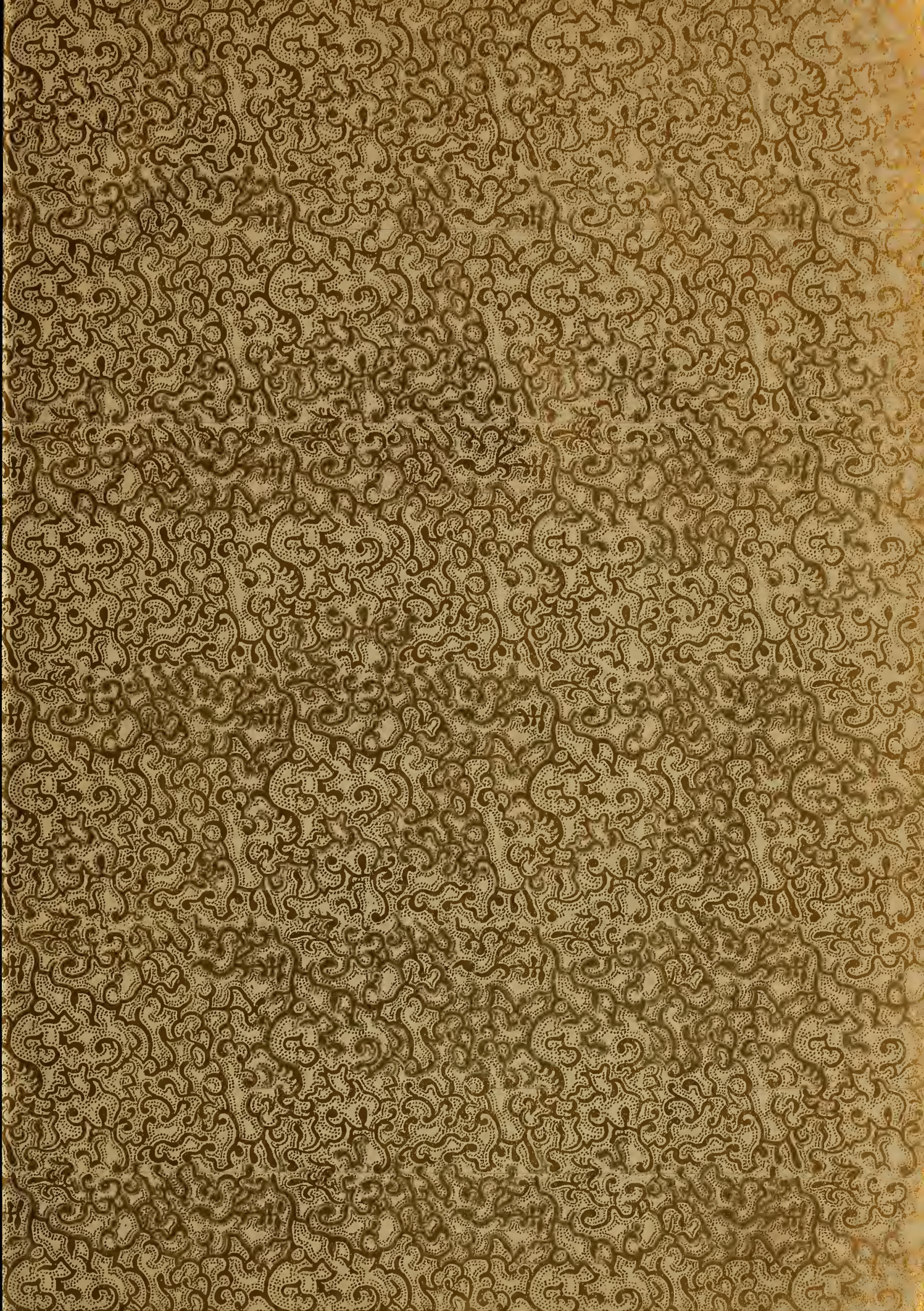
A.D.
1907
ДОМАШНЯЯ БИБЛIОТЕКА Г.В.ЮДИНА
U. S. GOVERNMENT PRINTING OFFICE: 1928

THE LIBRARY OF CONGRESS
1800



СТИХОТВОРЕНІЯ

НАДЕЖДЫ ТЕПЛОВОЙ

(ТЕРЮХИНОЙ).

ТРЕТЬЕ ИЗДАНІЕ

(ДОПОЛНЕННОЕ.)

МОСКВА.
1860.

Teplova, Nadezhda

Stikhotvoreniia.

СТИХОТВОРЕНІЯ

НАДЕЖДЫ ТЕПЛОВОЙ

(ТЕРЮХИНОЙ).

—

Третье изданіе.

(ДОПОЛНЕННОЕ.)

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ КАТКОВА И К°.

1860.

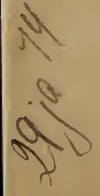
ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ:

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, Іюня 19-го дня 1860 г.

Цензоръ *И. Безсомыкинъ.*

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I.



Стр.

II.

Стр.

III.

БІОГРАФИЧЕСКОЕ ИЗВѢСТІЕ

о Н. С. Тепловой.

Надежда Сергѣевна Теплова (въ замужствѣ Терюхина) родилась въ Москвѣ, 19-го марта 1814-го года, скончалась въ Звенигородѣ, 16-го іюня 1848-го года. Ея стихотворенія печатались въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ, въ Отечественныхъ Запискахъ, Телеграфѣ, Телескопѣ, Московскомъ Наблюдателѣ и въ другихъ журналахъ; также въ альманахахъ: Денница, Сѣверные цвѣты, Кіевлянинъ. Они, собранные вмѣстѣ, имѣли два изданія: первое въ 1833-мъ; второе въ 1838 году. Поэтическій талантъ Тепловой развился очень рано: ея первое стихотвореніе «Къ родной сторонѣ» было напечатано въ Телеграфѣ въ 1827-мъ году, когда ей было только 13 лѣтъ. Ея поэзія, проникнутая глубокимъ чувствомъ, была искреннею исповѣдью ея собственной внутренней жизни. Въ этомъ *третьемъ* изданіи ея стихотвореній находится болѣе двадцати піесъ, еще нигдѣ не напечатанныхъ.

«Если тебѣ сколько нибудь удастся излить на бумагу состояніе души твоей, какъ она изъ лона скорби перешла къ утѣшенію, то это будетъ драгоцѣнный подарокъ міру и человѣчеству. Состояніе души страждущей есть уже святыня, и все, что ни исходитъ оттуда, драгоцѣнно, и поэзія, изникшая изъ такого лона, выше всѣхъ поэзій. Не можетъ лирическій поэтъ, подобно драматическому, описывать страданія и чувства другихъ. По этому одному она есть то непритворнѣйшее выраженіе, истина выше всѣхъ истинъ, и гласъ Божій слышенъ въ ея восторгновеніи.»

Гоголь (изъ письма къ Языкову).

ЛЮБОВЬ.

—

Любовь, небесъ святое слово!
Лишь для тебя воскресну вновь!
Меня душей возвыситъ снова
Одна любовь, одна любовь!

Съ моей душою утомленной
Я не снесу земныхъ оковъ,
И примиритъ меня съ вселенной
Одна любовь, одна любовь!

Меня томитъ земная келья!
Какъ дымъ, взлечу до облаковъ,
И принесу на новоселье
Одну любовь, одну любовь!

1831.

ЯЗЫКЪ ОЧЕЙ.

—

Какъ много думъ невнятныхъ выражаетъ
Одинъ уныло-долгій взоръ;
И сей беззвучный разговоръ
Одно лишь сердце понимаетъ!
Языкъ очей — языкъ краснорѣчивый!
Внимай ему въ часъ вдохновенный тотъ,
Когда поэтъ, мечтой своей счастливый,
Не говоритъ и не поетъ.

1831.

СОНЪ.

Прекрасный сонъ, счастливый сонъ,
Отрадное знаменованье!
Увы! не знаменуетъ онъ
Земнаго скораго свиданья!
Ты, сердца робкаго кумиръ,
Съ моей сроднившійся мечтою!
Есть лучшій міръ, небесный міръ, —
Тамъ я увижуся съ тобою.
На этой суетной земли
Сердца другъ друга разгадали,
И геніи союзъ связали
Святой таинственной любви!
Но въ пламенныхъ повѣствованьяхъ
Прекрасныхъ юношей и дѣвъ,
О ихъ любви, о ихъ страданьяхъ
Я слышу чуждый мнѣ напѣвъ,
Обѣты, слезы—все безсильно:
Тебя я въ мірѣ не найду, —
Я смерти жду и съ смертью жду
Любви священной, замогильной.

Кто знаетъ — можетъ, много, много
Тяжелыхъ лѣтъ земныхъ пройдетъ,
Когда передъ престоломъ Бога
Моя любовь тебя найдетъ!

1832.

КЪ СЧАСТЛИВИЦѢ.

—

Увы! за что ты счастлива такъ много?
Скажи, какой обѣтъ святой,
Какая чистая мольба къ престолу Бога
Принесена была тобой?
И все что кратко, что не наше,
Что видимъ мы въ пролетныхъ грезахъ сна,
Недостижимаго земнаго счастья чаша
Сладчайшая тебѣ поднесена.
Не съ пламеннымъ восторгомъ и слезами
Ты приняла небесное питье,
Но медленно коснулася её
Холодными, бездушными устами.
А знаешь ли, а чувствуешь ли ты,
Что въ мірѣ ничьему удѣлу не ревнуя,
Ни счастію любви, ни блеску красоты,
Одной тебѣ завидовать могу я?....

1838.

СОВѢТЪ.

Къ дѣв. Д—ль

—

Брось лиру, брось, и больше не играй,
И вдохновенные, прекрасные напѣвы,
Ты въ глубинѣ души заботливо скрывай:
Поэзія — опасный даръ для дѣвы!

Мечтаешь ли на жизненномъ пути
Слѣдъ огненный прорѣзать за собою;
Иль думаешь сочувствіе найти
Въ толпѣ, окованной ничтожной суетою?

Иль юная пылаетъ голова
Мечтой похвалъ и льстиваго вниманья,
И рядишь ты, какъ жертву на закланье,
Твой смѣлый стихъ въ блестящія слова.

Дитя-поэтъ! за славой не гонись,
Она ничѣмъ намъ сердца не согрѣетъ;
Иль съ долей счастія простись:
Гдѣ гордый лавръ, тамъ миртъ не зеленѣетъ.

Что дѣвственно очувствовала ты,
Что думою осмыслила глубоко,
Брось изрѣдка украдкой на листы,
Да не убьетъ завистливое око
Твоей возвышенной мечты.

1837.

КЪ СЕСТРѢ.

—

Когда настанетъ часъ желанный
Разлуки съ жизнію туманной,
И отъ земныхъ тяжелыхъ узъ
Я равнодушно отложусь:
Миръ вѣчной жизни тихій, ясный,
Тогда почіетъ на челѣ;
Но пережить тебя ужасно,
Покинуть тяжко на землѣ!
Тогда въ душѣ, для усажденья
Минуты смертнаго томленья,
Я положу завѣтъ святой....
И жди меня въ часы полночи,
Когда людей смежатся очи,
И мѣсяцъ встанетъ надъ рѣкой.
Приду на краткое свиданье,
Скажу, что̀ я узнала *тамъ*
И замогильныя желанья,
И тайну неба передамъ.

ФЛЕЙТА.

—

Люблю луны волшебное сіянье,
И запахъ липъ и легкій шумъ вѣтвей,
Люблю заботъ людскихъ молчанье,
Люблю безмолвіе страстей.
Люблю въ часъ вечера унылой флейты звуки,
И слушаю ихъ нѣжный переливъ,
Склонивъ главу, скрестивши руки,
Въ груди дыханье притаивъ.

1835.

КЪ Е. О. Ш.

—

Нѣтъ, не забуду я мгновеній тѣхъ счастливыхъ,
Тѣхъ поэтическихъ часовъ,
Когда волшебнымъ звукомъ словъ,
Огнемъ твоихъ очей краснорѣчивыхъ,
Уснувшую ты пробудила грудь,
Ударила въ живыя средца струны.
Теперь мои мечты такъ пламенны, такъ юны,
Такъ сладко мнѣ на новый міръ взглянуть;
Тобою вновь возвращена мнѣ младость.
Прекрасная, скажи мнѣ, кто же ты?
Поэзія? надежда? или радость?
Я узнаю ея чудесныя черты;
О, какъ сходна ты съ радостью земною!
Какъ къ ней, душа къ тебѣ летитъ,
И жадный взоръ тебя слѣдитъ,
И сердце ждетъ съ надеждой и мольбою!

1837.

СОЖАЛѢНІЕ.

—

Мнѣ жаль его! зачѣмъ его душою
Такъ суетно, нещадно такъ играть,
И сонъ любви прекрасный нарушать
Насмѣшкою холодной и пустою!

Мнѣ жаль его; когда безъ раздѣленья
Въ душѣ умретъ таимая любовь;
Оставь его въ счастливомъ заблужденьи,
Иль возврати ему надежду вновь!...

1837.

НА СМЕРТЬ А. С. ПУШКИНА.

Смиритеся, отважныя мечтанья,
Здѣсь ничему свершиться не дано!
Великому — предначертанье!
Прекрасному мгновеніе одно!

Еще твоихъ мы ждали пѣснопѣній, —
Все кончено! твой грозный часъ пробилъ,
Нашъ вѣковой поэтъ и геній,
Исполненный могущественныхъ силъ!

Такъ, и тебя судьба не пощадила!
Задумчиво надъ урною твоей
Главу поэзія склонила:
Кто замѣнитъ утраченное ей?

Какъ важны были начинанья!
Увы! сколь кратко бытіе!
Но имя славное твое
Вѣковъ грядущихъ достоянье!

1837.

ВИДѢНІЕ.

Въ туманѣ лживыхъ сновидѣній,
На легкихъ ангельскихъ крылахъ,
Ко мнѣ слеталъ эфирный геній;
Въ его плѣнительныхъ чертахъ,
Огня исполненныхъ очахъ,
Земная кросота блистала,
Какъ радость, онъ прекрасенъ былъ;
Любовью пѣснь его дышала,
И голосъ къ сердцу доходилъ.
Я не скажу, что напѣвалъ
Прекрасный гость мой; съ тайной милой
Я не разстанусь до могилы.
Онъ душу мнѣ упоевалъ,
Разсѣялъ жизни мракъ унылый
И слился съ бытіемъ моимъ,
Но гдѣжь теперь? Меня отринулъ
И съ сердцемъ грустнымъ и пустымъ
На прагѣ жизни сей покинулъ.
Онъ не былъ жителемъ земнымъ,
Онъ полетѣлъ къ странѣ эфирной
По дуновенью вѣтерка,

И голосъ сладкій и призывный
Чуть слышенъ былъ издалека....
И чтожь мое блаженство? — сонъ?
Но кто же призракъ? Кто же онъ?
Невѣрный спутникъ мой надежда,
Иль упованье въ небеса,
Или любовь?... ея одежда,
Ея понятная краса
И милый звукъ рѣчей знакомыхъ....
О возвратись, мой свѣтлый геній!
Виновникъ юныхъ вдохновеній,
Поэзія души моей!
Очарованье, прелесть дней!
Тобою міръ животворится.
Какъ сладко въ сумракѣ ночей
О милыхъ плакать и молиться;
Какъ сладостно мечтать объ нихъ, —
Ахъ! что святѣе слезъ твоихъ,
Чтѣ съ пламенемъ твоимъ сравнится?

1830.

—⁂—

КЪ СЕСТРѢ.

—

Мила мнѣ преданность твоя,
Твои святыя упованья;
Какъ счастья, жду съ тобою свиданья,
Прекрасный ангелъ бытія!
Но сердцу робкому грустнѣе;
И мнится все любви моей:
Что будто стала ты блѣднѣе,
Что будто цвѣтъ твоихъ очей
Лишился ясности своей, —
И упадаетъ жизни геній,
И нѣтъ ни силъ, ни вдохновеній!

1831.

~~~
~~~

ВОСПОМИНАНІЕ.

—

Ея здѣсь нѣтъ! Когда въ тѣни древесной,
Въ таинственный часъ вечера, стою
И слушаю пѣснь птички поднебесной
И сладкую весны прохладу пью.
Тогда твержу съ невольными слезами:
«Прости, прости, мой догорѣвшій день!»
И тихими минувшее крылами
Приноситъ мнѣ утраченную тѣнь
И радуетъ знакомыми чертами.

1836.

КЪ ЛЮБИМОМУ ПОЭТУ.

—

Мнѣ измѣняютъ вдохновенья —
И преклоняюсь предъ тобой,
Любимецъ музъ и пѣснопѣнья,
Кипящій жизнію младой!
Горжусь твоей высокой долей
Съ самозабвеніемъ любви;
Ты лучшій цвѣтъ земной юдоли,
Ты мигъ восторга на земли.
Твои живыя вдохновенья,
И поэтическіе сны —
Одно святое наслажденье
Моей безрадостной весны.
Его судьба отнять не можетъ;
Коварно жизнь не осмѣетъ;
Оно мнѣ свѣтлый путь проложитъ
Превыше скорби и заботъ.
Доколь душа моя согрѣта
Душой любимаго поэта,
И съ именемъ его слита
Всего прекраснаго мечта, —

Мирюся съ жизнію печальной,
Иду въ ея тяжелый путь....
Но образъ свѣтлый, геніальный,
Увижу ль я когда нибудь?

1832.

КЪ СЕСТРѢ.

Въ альбомъ.

—

Видала ль ты, какъ солнце безъ лучей
Въ туманѣ облака сіяетъ?
Видала ль ты, какъ блекнетъ цвѣтъ полей,
Какъ блѣдный класъ въ долинѣ засыхаетъ,
Недавно сорванный грозой?
И знала ль ты, какъ сердце изнываетъ,
Простившися съ любимою мечтой?...

Тамъ, тамъ, гдѣ море вѣчно бьетъ
О скалы дикія волнами,
Тебя твой другъ унылый ждетъ,
На вѣкъ разставшійся съ мечтами,
Испивъ фіалъ сердечныхъ мукъ.
Тамъ жизнь пройдетъ, какъ свѣтлое мгновенье,
Какъ дикой пѣсни полный звукъ,
Какъ часъ святаго вдохновенья....

ЖЕРТВА.

—

Простите вы, надежды и желанья,
Мечты любви и пѣсни всѣ мои!
Со мной одно святое упованье,—
Безукоризненные дни.
Простите вы, восторги вдохновенья,
Жизнь перелетная, прости!
Но будетъ вѣкъ въ душѣ моей цвѣсти
Къ прекрасному благоговѣнье.
Прости и ты, о счастіи мечтанье!
Виновная объ немъ тоска,
И будь теперь, какъ позднее преданье,
Она отъ сердца далека.
Мнѣ явственно сказало Провидѣнье,
Что жертвой тяжкой, роковой,
Запечатлѣть могу я примиренье
Съ землею, небомъ и собой!

1832.

КЪ Д. Ѳ. ПЕЛ—МУ.

—

Давно знакома съ вами я,
И даже въ первое свиданье
Мы повстрѣчались, какъ друзья.
И сердца тайное сказанье,
И непонятная судьба
Насъ тѣсной дружбою связали.
Вы сердца нѣжной добротой
И нрава дѣтской чистотой
Себя страшиться не давали.
Согласны думой и душой
Мы предъ однимъ благоговѣли;
Мой первый другъ отъ колыбели
Равно въ душѣ у васъ жила;
Она намъ ангеломъ была,
Она предъ нами разцвѣтала
Въ веснѣ плѣнительной своей,
И звукомъ словъ, огнемъ очей
Мечты и думы увлекала.
Теперь вы слиты бытіемъ,
Ея надежды и желанья
Соединились въ васъ одномъ;

И жребій милаго созданья
Свободны осчастливить вы,
Отъ этой свѣтлой головы
Умѣть прогнать и тѣнь страданья,
Чтобъ чистый взоръ ея очей
Былъ съ каждымъ днемъ яснѣй, яснѣй,
Чтобы житейскія печали
Ея покой не нарушали,
Не волновали сердца ей;
Чтобъ жизнь казалась ей чредою
Воспоминаній и надеждъ,
Чтобъ слезы съ мрачною тоскою
Ея не отягчали вѣждъ;
Чтобы какъ солнышко весною
Была свѣтла ея судьба....
О милый братъ, одна мольба!

1832.

ВЫСОТА.

—

Люблю я быть на высотѣ,
Когда надъ ней нависнутъ тучи,
Когда завоетъ боръ дремучій,
Погаснутъ звѣзды въ темнотѣ.
Мнѣ молніи прекрасенъ видъ,
Она надъ мрачною вселенной,
Какъ мысль великая, блеститъ
Души поэта вдохновенной.
Раскаты грома, вѣтра шумъ,
И моря бурнаго біенья —
Все полно чувствъ, все полно думъ,
Любви надежды и волненья!

1831.

МИНУВШЕЕ.

—

Сердца тяжкое томленье!
Несказанная печаль!
Оскорбленье, сожалѣнье,
Васъ влечетъ волна забвенья
Въ неразгаданную даль.

Отъ напраснаго страданья
Отдохнуло сердце ты,
Отреклося отъ желанья,
И погибъ въ воспоминаньи
Образъ милой мнѣ мечты.

Но счастливыя мгновенья,
Но восторженные дни
Спасены отъ разрушенья,
На обломкахъ сожалѣнья
Ярко врѣзались они.

1837.

КЪ С. Г. С—ОЙ.

Не я ль, мой другъ, тебя просила
Въ моемъ альбомѣ написать,
Чтобъ все любимое сливать
Съ воспоминаніемъ о милой?
Чтобъ книги памятной листы,
Когда въ раздумьѣ развернула,
Мнѣ тѣнь знакомая мелькнула
Моей младенческой мечты;
Чтобъ рядъ воспоминаній длинный
Воскреснулъ въ сердцѣ вновь моемъ:
И темный дворъ избушки дымной,
И вашъ веселый, свѣтлый домъ,
Лѣса и темныя дубравы,
Вашъ садъ и быстрая рѣка,
И дѣтства мирныя забавы
И звуки сельскаго рожка.

1831.

КЪ ГЕНІЮ

—

Я не желаю вдохновеній,
Я не хочу воскреснуть вновь
И не зову тебя, мой геній,
Спасти души моей любовь.
Иду судьбѣ своей послушна
Дорогой жизненною я,
И жду минуты равнодушно
Оковы сбросить бытія.
Но нѣтъ, вотще! безъ вдохновеній
Туманна жизнь, безцвѣтенъ путь....
О, возвратись, мой свѣтлый геній,
И облегчи младую грудь,
И помоги мнѣ насладиться
Весеннимъ сладкимъ бытіёмъ,
Дозволь со всей природой слиться,
Дозволь мнѣ пасть передъ Творцомъ!

1831.

КЪ М. А. М.

—

Простите! добраго пути!
Но наша дружба проситъ дани:
Молитвъ, напутственныхъ желаній,
И слово грустное *прости*
Вздохнуть невольно заставляетъ.
Вотъ все, что дружба вамъ желаетъ:
Чтобъ съ жаркимъ чувствомъ встрѣтилъ взоръ
Кавказа дикія стремнины,
И горделивыя вершины
До неба восходящихъ горъ.
Прекрасна дикая природа,
Мила душевная свобода —
Но мигъ прекраснѣй бытія,
Когда предстанутъ передъ вами
Священной родины поля.
И дѣтство съ свѣжими мечтами,
И память горестныхъ утратъ
Для сердца вдругъ заговорятъ;

Дай Богъ, чтобъ вы, хотя случайно,
Перенесли на сѣверъ мой
Цвѣтокъ любезной вамъ Украйны,
Прекрасный цвѣтъ страны родной....

1832.

ЕМУ ЖЕ.

6 сентября 1831 г.

—

Немногіе изъ нашихъ дней
Имѣютъ свѣтлое значенье,
Веселой свадьбы юбилей,
День имянинъ, но всѣхъ милѣй —
День нашего рожденья.
Вамъ каждый вашъ означенъ годъ,
Вы мыслили, вы жили;
О, пусть вамъ этотъ принесетъ
Все, что мечты сулили:
Зеленый миртовый вѣнокъ,
И лавръ благоуханный,
И вами пламенно желанный
Покоя свѣтлый уголокъ.

ПЕРЕРОЖДЕНІЕ.

—

Прости! лечу, — въ дали необозримой,
Какъ утренній туманъ, исчезну я,
Невидима очамъ, для чувствъ непостижима,
Какъ темная загадка бытія.

Твои смѣшны ничтожныя усилья,
Тебѣ нельзя достигнуть до меня;
Я легче воздуха, я получила крылья,
Теперь совсѣмъ другая я.

Смотри, какъ тлѣнъ, мои распались цѣпи,
Мнѣ радостный отнынѣ жребій данъ,
Я безпредѣльныя теперь увижу степи,
Я преплыву безбрежный океанъ.

Прости! лечу въ красѣ неизъяснимой
Передо мной и небо, и земля;
И въ мірѣ многое мнѣ стало постижимо,
Теперь совсѣмъ другая я.

1835.

БЕЗНАДЕЖНОСТЬ.

—

Бывало только налетали
Ко мнѣ минутныя печали,
Но міръ прекрасенъ былъ мечтой,
Теперь тоска съ моей душой;
Порою нѣтъ и упованья,
Какъ бы надежды и желанья
Волна морская унесла,
Какъ будто міръ одѣла мгла.
И милъ мнѣ лѣсъ угрюмый, дикій,
И кипарисъ и повелики,
Холодный камень гробовой,
И вѣтра свистъ, и бури вой.

1828.

КЪ ЧАРОДѢЮ.

Давно знакома я съ тобой.
Когда-то, въ рѣдкія мгновенья,
Не на яву, не въ сновидѣньи,
Видала свѣтлый образъ твой.
Когда съ денницею румяной
Я шла тропинкою лѣсной,
Не ты ли вѣялъ надо мной
Въ одеждѣ сизаго тумана?
Не ты ль, какъ духъ, въ горахъ блуждалъ
Въ тотъ страшный часъ, при громахъ бури,
Не ты ли тучи гналъ съ лазури?
Не ты ли въ молніяхъ блисталъ?
Не ты ль мнѣ вѣялъ теплотою,
Когда покоилась земля,
Когда пришла я на поля,
Опустошенныя грозою?
Не твой ли голосъ по рѣкѣ
Порой вечерней раздавался,
Не твой ли образъ въ ручейкѣ
Съ сіяньемъ вечера сливался?...

И этотъ свѣтлый образъ, ахъ!
Съ тѣхъ поръ и въ грезахъ, и мечтахъ,
И въ тайнѣ сердца молодаго
Не знаю образа инаго!

1832.

КЪ * * *

Какъ чуденъ блескъ твоихъ очей!
Какъ сладостно твое дыханье!
Какъ каждый звукъ твоихъ рѣчей
Меня влечетъ въ очарованье;
Тревожитъ духъ, волнуетъ грудь,
На сердце падаетъ тоскою, —
Мнѣ страшно на тебя взглянуть,
Мнѣ страшно встрѣтиться съ тобою.

1830.

НА СМЕРТЬ ДѢВЫ.

Юная дѣва,
Алая роза,
Ты ли недавно,
Намъ разцвѣтала
Милой красой?

Пламень мгновенный
Лютой болѣзни
Цвѣтъ твой прекрасный
Быстро сожегъ.

Мы убираемъ
Блекшую розу
Въ свѣтлыхъ уборахъ,
Будто невѣсту
Въ храмъ обручальный.

Мы обручаемъ
Юную дѣву
Съ вѣчною жизнью,
Съ вѣчнымъ покоемъ.

Крѣпко цѣлуя
Милую гостью,
Мы ей навѣки
Скажемъ: прости!

Вмѣстѣ поздравимъ
Съ новою жизнью,
Съ новымъ блаженствомъ
Лучшаго міра.

ВЕСНА.

Придетъ весна—и садъ мой зацвѣтетъ;
Тамъ буду пить я воздухъ благовонный,
И въ тишинѣ, мечтанью благосклонной,
Ко мнѣ поэзія сойдетъ.

Придетъ весна—и птицъ залетныхъ пѣнье,
Жужжанье пчелъ и шумъ младыхъ древесъ —
Все на душу навѣетъ мнѣ волненье
Все населитъ страну чудесъ.

Придетъ весна—черемухи дыханье,
И теплый дождь, и нѣжная сирень,
Вновь разольютъ на жизнь очарованье, —
Я буду счастлива — хоть день!

КЪ КРАСАВИЦѢ.

О, не гордись своей счастливою судьбою,
Ни пурпуромъ ланитъ, ни золотомъ кудрей,
Ни юнаго лица блестящей бѣлизною,
Ни утонченною уборкою своей!
Взгляни, какъ сонмы звѣздъ на небѣ угасаютъ,
Какъ быстрая волна стремится за волной,
Какъ свѣжіе цвѣты цвѣтутъ и увядаютъ,
Какъ радость и любовь уходятъ чередой.
И блескъ твоихъ ланитъ, и взоръ твой потускнѣетъ,
И юная твоя увянетъ красота,
Безмысленной толпы вниманье охладѣетъ
И суетныхъ забавъ измѣнитъ череда.

1831.

СЛЕЗЫ.

—

Нѣтъ! мнѣ не жаль минувшихъ дней,
Дней первой юности моей,
Ни ясно-пламенныхъ желаній,
Живыхъ надеждъ, блестящихъ грёзъ
И романическихъ мечтаній.
Мнѣ жаль моихъ горячихъ слезъ,
Ихъ было такъ несчетно много!
Не разъ, избыткомъ чувствъ дыша,
Въ нихъ выливалися душа
И серда смутная тревога;
Но ихъ весны моей фіалъ,
Какъ дань, какъ жертву, принималъ.
Теперь утраты, скорби — тѣже,
Но слезъ тѣхъ нѣтъ, я плачу рѣже,
И гнетъ существенныхъ скорбей
Теперь мнѣ вдвое тяжелѣй.

КЪ ГЕНІЮ

Какъ часто ты, во дни моихъ страданій,
Къ моей душѣ отрадой низлеталъ,
И пламенемъ невидимыхъ лобзаній
Потухшія мнѣ очи осушалъ.
Сгонялъ съ ланитъ слѣды ночей безсонныхъ,
Глубокія бразды тяжелыхъ слезъ,
И съ устъ твоихъ эѳирныхъ, благовонныхъ,
Дыханье счастія лилось.
Прекраснаго недолгія мгновенья
Всѣ были—ты, всѣ созданы—тобой;
Ты уносилъ земныя наслажденья,
Ты приносилъ небесное съ собой.
Ты укрощалъ души моей волненье
Торжественной, священной тишиной,
И на чело ложилось размышленье,
И чудное свершалося съ душой.

1835.

ЦѢЛЬ.

—

Зачѣмъ же мнѣ, съ столь пламенной душою,
Съ столь нѣжною способностью любить,
Не суждено коварною судьбою
Мои мечты на мигъ осуществить?
Восторгъ любви, блаженство и томленье
Зачѣмъ же мной не узнаны досель?
Но краткая минута размышленья—
И вижу здѣсь таинственную цѣль:
Что въ пламени любезнаго страданья
Всегда легко очиститься душой;
Моя жь душа въ горнилѣ испытанья
И скудныхъ благъ, и горести земной.

1835.

—~~—

ЭЛЕГІЯ.

—

Ты намъ опять возвращена,
Благоуханная весна,
Святая молодость природы!
И нарядилася земля,
И пышно разцвѣли поля,
И быстро заструились воды;
Но вы, младенческіе годы!
Надеждъ веселая семья,
Куда навѣкъ сокрылись? Гдѣ вы
И прелесть сельской простоты,
И милой родины напѣвы....
. . . .

СОЗНАНІЕ.

—

Вся жизнь моя — ошибка роковая!
Я чувствую, не тѣмъ я быть должна,
И доля лучшая, иная
Мнѣ въ этомъ мірѣ суждена.
Извѣстно мнѣ мое предназначенье:
Должна я жить и чувствовать вполнѣ,
Должна ловить минуты вдохновенья
И съ думою глубокой въ тишинѣ
Здѣсь созерцать роскошную природу,
И съ первобытной чистотой,
Не разлучаяся душой,
Мою счастливую свободу
Восторгамъ лучшимъ посвящать
И съ пламеннымъ воображеньемъ
Одно прекрасное сближать.
Но я высокое судьбы опредѣленье
Не научилась понимать.
Вся жизнь моя — ошибка роковая!

Бываютъ дни, очищена тоской,
Я чувствую, что я совсѣмъ иная,
И на минуту постигая
Высокій, лучшій жребій мой —
Я чувствую свое предназначенье
И вылиться готова вся въ слезахъ.
Но мигъ одинъ — изчезло вдохновенье,
И я опять ничтожный прахъ!...

1831.

КЪ НЕЙ.

—

Веселая юность твоя пронеслась
Не зная ни бурь, ни ненастья;
И память прошедшаго чудно слилась
Съ мечтами грядущаго счастья.
Свѣтло и безпечно взирая на міръ,
Все лучшее ты разгадала,
И жизнь предъ тобою, какъ радостный пиръ,
И снято съ небесъ покрывало.

ЗЕМНОЕ СЧАСТІЕ.

—

Не говори: здѣсь счастье есть,
То будетъ ложь, то будетъ лесть
Привычнымъ мнѣніямъ вселенной,
Толпѣ холодной и надменной;
Не говори: здѣсь есть покой,
Не отравляёмый тоской,
Или безчувственностью скучной.
Давно я къ жизни равнодушна
И не поклонница суетъ.
Нѣтъ, счастья въ мірѣ этомъ нѣтъ!
О, сколько пламенныхъ желаній
Горитъ въ довѣрчивыхъ сердцахъ;
Но въ эту жизнь одинъ лишь шагъ—
И сколько слезъ, скорбей, страданій!
Или томиться суждена
Душа несносной пустотою,
И только грустною мечтою
Пойметъ, почувствуетъ она,
Въ чемъ ей отказано судьбою!

И это жизнію зовутъ?
Міръ это счастьемъ называетъ?
Быть можетъ, многіе, кто знаетъ,
Себя счастливыми найдутъ;
Но ихъ восторги, наслажденья —
Или мечта, иль заблужденье,
Или блестящій пустоцвѣтъ!
Нѣтъ! счастья въ мірѣ этомъ нѣтъ.

1831.

РОДИНА.

Какъ много буду плакать я,
Когда воскресшею душою
Стряхну оковы бытія,
И вновь предстанутъ предо мною
Безцѣнной родины поля;
Когда я утренней порою
Умоюсь чистою водою
Давно знакомаго ручья,
Когда повѣетъ на меня
Полей вечерняя прохлада —
О, какъ слезамъ я буду рада!
Какъ много буду плакать я!

1835.

НЕВѢСТА.

Нѣтъ ея, объ ней тоскую
День и ночь, и ночь и день,
И въ мечтахъ любви цѣлую
Обожаемую тѣнь.
Иногда очарованьемъ,
Въ часъ предъутренняго сна,
Упоительнымъ дыханьемъ
Устъ касается она,
Слышу звукъ знакомой рѣчи:
«Пробудись, о милый мой!»
Но напрасно жажду встрѣчи
Съ умноженною тоской.

Разъ, въ волшебномъ одѣяньи
Юной, радостной весны,
Въ полусумрачномъ мерцаньи
Потухающей луны,
Неземная посѣтила
Одинокій друга кровъ
И страдальца пробудила

Тихимъ шелестомъ шаговъ.
«Пробудись, къ тебѣ пришла я,—
Мнѣ назначено прійдти,
Не тоскуя, не страдая,
Для послѣдняго — прости!
Не ищи, нѣтъ въ мірѣ мѣста,
Гдѣбъ ты могъ найдти меня;
Милый другъ мой, я невѣста!
И невѣста не твоя!»
Вспыхнулъ юноша отъ гнѣва;
Грудь стѣсняетъ тяжкій стонъ;
Но таинственная дѣва,
Какъ мечта, какъ сладкій сонъ;
Рѣчь ея, какъ арфы звуки,
Ясный взоръ неуловимъ
И прозрачны станъ и руки,
Какъ туманъ, какъ легкій дымъ,
И, сливаяся съ зарею,
Съ блескомъ утреннихъ лучей,
Въ мигъ падучею звѣздою
Дѣва скрылась изъ очей.

1837.

ОСЕНЬ.

—

Уныло воетъ вѣтръ ночной,
Заглохнулъ боръ, поляны пожелтѣли,
И не слыхать ни пѣсенъ, ни свирѣли
Въ долинѣ темной и пустой.

Кристальные потоки замерзаютъ;
Ихъ скована безмолвствуетъ тоска,
И въ небѣ дымномъ облака —
Туманною грядою пробѣгаютъ.

Гдѣ вы, пѣвцы небесной высоты?
Уже васъ нѣтъ, вы сладкій гимнъ отпѣли;
Цвѣтущія дубравы опустѣли,
Послѣдніе съ нихъ падаютъ листы.

И обнаженныя, колеблясь, дерева
Таинственный высказываютъ ропотъ,
И сердцу слышится ихъ шопотъ,
До слуха чуткаго касаются слова.

**

Я не грущу съ природой мрачной, хладной
Все, все теперь въ созвучіи со мной,
Все образъ жизни безотрадной
И безнадежности земной!

1835.

ПРОСЬБА.

—

Молю, словами не играй,
Не огорчай меня сомнѣньемъ;
Моей души не охлаждай
Своимъ холоднымъ разсужденьемъ

И не встрѣчай моихъ очей
Своими ясными очами,
Не проникай души моей,
Не упрекрай меня слезами!

Возьми, я отдаю тебѣ
Благоухающія розы,
И собираю въ дань судьбѣ
Давно посѣянныя слезы.

ЖАЖДА МОЛИТВЫ.

Къ аѳ—му старцу.

—

Въ твоихъ горахъ, въ священной той странѣ,
Гдѣ жизнь твоя течетъ безгрѣшно и счастливо,
О, помолись о недостойной мнѣ,
Отецъ благочестивый!

Твоя мольба доступна небесамъ,
Завиденъ твой удѣлъ смиренный и прекрасный,
Для васъ земля цвѣтетъ обильно тамъ,
Надъ вами небо вѣчно ясно!

Какъ тамъ душа младенчески чиста!
Какъ ясны для нея и смерть, и искупленье!
Вамъ чужды наши заблужденья,
И міра грѣхъ и суета!

И въ этой счастливой, далекой сторонѣ,
Гдѣ жизнь твоя течетъ тиха, трудолюбива,
О, помолись о недостойной мнѣ,
Отецъ благочестивый!

И чтобы мракъ съ души мой исчезъ,
Чтобъ сердце вылилось въ молитвахъ умиленныхъ;
Пришли мнѣ вѣтвь знаменія небесъ
Съ твоихъ долинъ благословенныхъ!

~~~
~~~

ЗВѢЗДА.

—

Предъ яснымъ солнечнымъ восходомъ,
Идя тропинкою лѣсной,
Всегда любуюсь мимоходомъ
Одной предъутренней звѣздой,

На звѣздъ вечернее сіянье
Мои не носятся мечты,
Всегда въ моемъ воспоминаньи
Краса предъутренней звѣзды.

Къ ней всѣ надежды, всѣ желанья,
Къ ней сердце робкое летитъ;
Звѣзды предъутренней сіянье
Объ утрѣ лучшемъ говоритъ.

1831.

СВИРѢЛЬ.

—

Свирѣль, унылая свирѣль!
Буди, буди пастушекъ рано!
Пусть кинутъ мирную постель
Онѣ съ денницею румяной,
Услыша раннюю свирѣль.

Свирѣль, унылая свирѣль!
Сзывай пастушекъ въ полдень знойный,
Въ пріютъ тотъ свѣжій и покойный,
Гдѣ букъ растетъ, густѣетъ ель,
Гдѣ въ травкѣ ландыши бѣлѣютъ,
Семьей березки зеленѣютъ
И трелитъ нѣжная свирѣль.

Свирѣль, унылая свирѣль!
Сзывай младыхъ пастушекъ въ поле,
Храни въ безпечной ясной долѣ,

Гони все мрачное отсель,
Чтобы тоски онѣ не знали,
И съ тайной грустью не взывали:
Свирѣль, унылая свирѣль!

ЭЛЕГІЯ.

—

Весна, красавица младая,
Ушла, рѣзвяся и играя;
Вотъ лѣто пестрое прошло
И зной полудня унесло.
Пройдетъ и осень золотая,
Зима пушистая пройдетъ;
Всему пора, всему чередъ,
Но ты, утраченное счастье,
Зачѣмъ тебѣ возврата нѣтъ?
И ни вниманья, ни участья
Я не вношу съ собою въ свѣтъ?
Постылы мнѣ его уставы,
Эгоистическіе нравы,
Всеохлаждающій расчетъ,
Съ его потѣшными огнями,
Съ его поддѣльными цвѣтами,—
Онъ пищи седцу не даетъ,
И часто грудь мою волнуетъ
Тоска по радостямъ инымъ....

Такъ утомленный пилигримъ
О дальней родинѣ тоскуетъ;
Такъ птичка въ клѣткѣ золотой
Груститъ о жизни полевой,
О милой вольности горюетъ.

БЕЗСОННИЦА.

—

Люблю, когда заря сливается съ зарей,
И утренній туманъ сѣдѣетъ надъ рѣкой,
И блѣдная луна на ясномъ небѣ тмится,
Когда душа не спитъ, тогда очамъ не спится,
Мечты печальныя, видѣній смутныхъ рой,
Какъ тѣни изъ могилъ, выходятъ въ тьмѣ ноч-
ной —
Все изсушаетъ грудь и сердце, и здоровье,
И тяжко головѣ на влажномъ изголовьѣ.

* *
*

Теперь горжусь своей свободой,
Закрывши жизни первый томъ;
Теперь бесѣдую съ природой
И съ поэтическимъ трудомъ.
Смотрю съ улыбкой сожалѣнья,
Не орошая жаркихъ вѣждъ,
На роковое разрушенье
Моихъ желаній и надеждъ.
Уже напраснымъ ожиданьемъ
Моя душа утомлена,
И, возвышаясь надъ страданьемъ,
Въ нее нисходитъ тишина.

1842.

РУССКАЯ ПѢСНЯ.

—

Раннимъ утромъ подъ окномъ
Красна дѣвица сидѣла;
Непогодушка шумѣла
И мятелица кругомъ.

Тайной грустію полна,
Въ даль смотрѣла на дорогу,
И сердечную тревогу
Не могла унять она.

«Кто безъ горя проживетъ?
«Онъ пріѣдетъ.... чтожь тоскую?
«И невѣсту молодую
«Онъ съ собою привезетъ!...»

Пролетѣли дни, недѣли,
Чередой зима прошла;
Непогоды и мятели
За собою унесла.

Что же дѣвица моя?
Безразцвѣтно увядая,
Блекнетъ жизнь ея младая,
Гаснетъ юности заря.

Раннимъ утромъ подъ окномъ
Блещутъ свѣчи восковыя,
Пастырь съ причетомъ кругомъ,
И печальные родные.

Гдѣ же дѣвица моя?
Сладокъ сонъ ея могильный;
Пробудить ее безсильны
Всѣ обманы бытія.

1831.

КЪ РОДНОЙ СТОРОНѢ.

—

О Скальба родная!
Теки и красуйся по роднымъ полямъ,
Волнами плеская,
По свѣжимъ, высокимъ, крутымъ берегамъ!
Лѣсъ мирный, печальный!
По-прежнему свѣтлыхъ небесъ достигай
И сладостной тайной
Ты путника душу мечтой наполняй!
Сводъ неба яснѣе
Въ родимыхъ краяхъ,
Лучъ солнца свѣтлѣе
Играетъ въ сребристыхъ и тонкихъ зыбяхъ.
Дубравы густыя,
И дубъ величавый въ родной сторонѣ,
Вы, сосны большія,
По прежнему молча маните къ себѣ!
Ахъ! дѣтскіе годы
Мои протекли
На лонѣ природы;
Но бурные вѣтры меня унесли!

Цвѣти, украшайся,
Родная страна!
Гордись, величайся,
Ты щедрой природы красою полна!

1827.

II.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПОВѢСТИ

ЖЕРТВА ЛЮБВИ.

—

Кто здѣсь привелъ въ очарованье
Толпу собравшихся гостей,
Вдали искусственныхъ огней,
При слабомъ мѣсяца мерцаньи,
Въ густой черешневой сѣни?
Чьи это сладостные звуки—
То сердца выражаютъ муки,
То упоеніе любви?
То вдругъ такъ пламенно, то нѣжно,
И арфа вторитъ имъ небрежно?
Ее касается слегка
Артиста вѣрная рука,
Отсель въ незримомъ отдаленьи
Сидѣла юная княжна:
Неизъяснимаго волненья
Ея душа была полна....

Сжимая судорожно руки,
Она ловила жадно звуки,
Толпой забытая, вдали,
Стаивъ тяжелое дыханье,
Глотая слезы и рыданья,
Почти склоняясь до земли,
Въ борьбѣ сама съ душой своею,
    Но вотъ ей чудятся шаги,
Вотъ голосъ слышится надъ нею·
    «Моя Людвига!» это графъ.
Она очнулась и вздохнула,
Его какъ будто не узнавъ,
Она въ лицо ему взглянула....
И нѣжно руки ей лобзая,
Онъ говорилъ: «вы здѣсь однѣ
И вѣрно, сладостно мечтая
О нашемъ счастьи, обо мнѣ?»
— О, да, конечно, повторяла
Ему Людвига, чуть дыша —
Межъ тѣмъ какъ вся ея душа
Въ волшебствѣ зруковъ утопала....
Но вотъ съ скамьи она привстала
И съ нимъ разсѣянно пошла
Вдоль померанцевой аллеи,
Луны мерцающей блѣднѣе,
Непостижима и тиха,

Склонясь на руку жениха...

Въ концѣ аллеи павильонъ
Виднѣлся ярко освѣщенъ,
И въ немъ мазурка раздавалась,
Толпа гостей туда стекалась,
Привычнымъ ухомъ уловивъ
Ея плѣнительный мотивъ;
Тамъ, весь увѣшанъ орденами,
Старикъ высокій и сѣдой
Сидѣлъ въ одеждѣ парчевой
На креслѣ бархатномъ съ гербами,
Блестящимъ сонмомъ окруженъ
Знатнѣйшихъ пановъ и вельможей,
Съ улыбкой ласковою онъ
Смотрѣлъ на танцы молодежи....
Къ нему приблизилась княжна;
Съ любовью дѣтскою она
Къ его плечу лицемъ склонилась,
Онъ что-то тихо ей сказалъ,
Ее въ чело поцѣловалъ.
И вотъ она оборотилась,
На руку графа оперлась
И съ нимъ въ мазуркѣ понеслась.

Ревнивый шопотъ удивленья
И громкой лести и похвалъ

Ихъ каждый шагъ сопровождалъ—
«Графъ Станиславъ обвороженье!»
«Какъ хороша и какъ жива!»
Повсюду слышались слова.

Богатство, знатность Станислава,
Красивый станъ, веселость нрава,
Все паннамъ нравилося въ немъ,
Но, ограниченный умомъ,
Запосчивъ, гордъ, непостояненъ,
Храбрецъ лишь только на словахъ,
Теперь въ Людвигиныхъ глазахъ
Онъ былъ и мелоченъ, и страненъ...
И въ чувство новое княжна
Была душой погружена....
Ея цвѣтущія ланиты,
Ея могущественный взглядъ,
Блестящій праздничный нарядъ,
И пышный локонъ, вкругъ обвитый
Восточнымъ крупнымъ жемчугомъ,
И туникъ, шитый серебромъ,—
Все въ ней о счастьи говорило,
И ей ничто не измѣнило—
Ни скорбь во взорѣ, ни порывъ
Тоски, любви, негодованья....

Она таитъ свои страданья,
Ихъ твердой волѣ покоривъ....

ПИСЬМО

отъ Людвиги къ Розѣ.

—

Давно разстались мы съ тобой;
Въ бесѣдѣ искренней, живой,
Давно я чувствъ не изливала
И съ милой Розой потеряла
Участья слово, дружбы взоръ....
Какъ съ нами въ Вильнѣ ты простилась,—
Тебѣ извѣстно, что съ тѣхъ поръ
Съ твоей Людвигою случилось:
Невѣста я. — Твой приговоръ
Пристрастьемъ дружбы не смягчая,
Скажи — безумная была я?
Безъ размышленій, безъ страстей,
Такъ необдумчиво, невольно
Дала обѣтъ я добровольный....
Явился графъ. — Въ немного дней
Его узнать я не старалась;
Признаться я и не боялась

Въ немъ ошибиться, и душой
Свободная, не постигая,
Какъ много чувствовать могла я,
Гордилась сердца тишиной.
«Теперь же, Роза, ангелъ милый,
Приди сюда на краткій мигъ,
Твоя душа волшебной силой
Утонетъ въ звукахъ неземныхъ,
Въ небесномъ сладкомъ упоеньи,
Какъ я, въ безмолвномъ изступленьи,
Приди и слушай здѣсь со мной.
И если сердце съ быстротой
Въ твоей груди не разобьется,
И чувство лавой огневой
Въ потокѣ слезъ не изольется,
И ты не будешь съ каждымъ днемъ
Жить ускореннымъ бытіемъ,
Дышать удвоеннымъ дыханьемъ,
И жертвой тайнаго страданья
Въ мечтахъ любви изнемогать,
Рѣзва, какъ прежде, и покойна,
Нѣтъ, Роза, нѣтъ, ты не достойна
Ни жить, ни мыслить, ни дышать!

О небѣ томъ, о той странѣ,
Когда-то въ дѣтствѣ снилось мнѣ,

Но чаще я объ ней мечтала,
Вступая въ свѣтъ... чуждалась я
Того, что встрѣтило меня,
Здѣсь все такъ много удивляло:
Какъ часто лепетъ нѣжныхъ словъ,
Любви нескромныя признанья,
Восторги, клятвы, обожанья,
Здѣсь жатва бальныхъ вечеровъ!
Здѣсь мысль не общая пугаетъ,
А кто безсуетной душой
Вознесся смѣло надъ толпой,
Тѣхъ свѣтъ и гонитъ и караетъ.
И въ этой безднѣ пустоты
Мои терялися мечты.
Но что душа давно таила
О чемъ страдала, что любила,—
Все пѣснь Италіи моей
Завѣтно высказала ей,
А онъ?... но что языкъ нашъ бѣдный,
Что я могу еще сказать?...
Перо безсильно, краски блѣдны...
О Роза! мой удѣлъ страдать
Безмолвно... жаркими слезами
Все смыто здѣсь, но ты прочтешь,
Ты сердпа исповѣдь поймешь
Съ ея несвязными рѣчами!...

1.

. . . .

—

Былъ вечеръ; темною грядою
Тянулись въ небѣ облака
И лѣтній дождь кропилъ слегка,
И шумно влагой дождевою
Дробились волны. По волнамъ
Къ другимъ далекимъ берегамъ
Ладья неслася съ быстротою.
Скрестивши руки, думы полный,
Слѣдя задумчивыя волны
Синьоръ Валеріо стоялъ
Въ какомъ-то сладкомъ обаяньи,
Счастливый, гордый обладаньемъ
Своей Людвиги, онъ молчалъ
И робкой мыслью обнималъ
Весь міръ блаженства необъятный.
О, если это только сонъ,—
Не лучшель цѣлой жизни онъ?
Ему чужда и непонятна

Людвиги дѣтская печаль:
Блѣдна лицемъ, томясь душою,
Поникнувъ грустно головою,—
Она глядитъ въ родную даль,
И — ей покинутаго жаль!
Гдѣ сонъ любви? умолкли звуки,
Весна минула и — однѣ
Вы, неиспытанныя муки,
Проснулись сердца въ глубинѣ!

Ея взволнованная совѣсть
Предъ ней развертывала повѣсть
Ея минувшихъ свѣтлыхъ дней;
Въ нихъ полно все любовью нѣжной
Отца, покинутаго ей,
Того, кто ею такъ небрежно
Былъ позабытъ. — Увы! она
Какой-то силой неизбѣжной
Досель была увлечена!
Сравнялись волны. Въ небѣ ясно,
И солнце тихо и прекрасно
Свершаетъ розовый закатъ,
И воздухъ полонъ ароматъ,
Все сердце вновь упоеваетъ
Мечтой о счастьи, о любви,
Межъ тѣмъ оставленной земли

Предметы меркнутъ, исчезаютъ;
Верхи знакомыхъ теремовъ
И башни шпицъ остроконечный,
Сливаясь съ грудой облаковъ,
Вдали пропали безконечной;
И цѣпь лѣсовъ, и синихъ горъ
Ужь различать не можетъ взоръ.

УВѢРЕНІЕ.

—

Въ великій день святаго возрожденья
Должна я вспомнить про неё;
О милая! зачѣмъ твое моленье?
Могуль забыть живое впечатлѣнье!
Опо со мпой, опо мое.

И имена любезпыхъ мнѣ созданій
Начертаны на вѣрную скрижаль,
Что ни сулитъ таинственная даль,
Но не сотретъ моихъ воспоминаній
Ни рѣзвое веселье, пи печаль.

Все временно, обычной чередою
Смѣпяются событія земли;
Но тлѣніе не властно надъ душою
Не свыкнуся я съ жизнію земною
И блага міра не мои.

Такъ для меня ихъ не важна утрата:
Прекрасное за гробомъ будетъ жить,
И милое не гибнетъ безъ возврата,
Что для души въ минувшемъ было свято—
Грядущее не можетъ замѣнить.

ВОПРОСЪ.

—

Зачѣмъ же такъ сердце страдаетъ, страдаетъ,
Зачѣмъ же такъ жизнь холодна и скучна?
И міръ ли меня разгадаетъ,
Когда разгадать не могу я сама!
Бывало я съ жизнью дружилась на время,
Какъ будто любила ее,
И было мнѣ легкимъ житейское бремя
И благомъ мнѣ иго мое...

1842.

ЗАБЫТЬЕ.

—

Знакомъ ли вамъ тотъ часъ, тотъ мигъ невыра-
зимый,
Души усталой забытье,
Когда тревоги всѣ промчатся мимо, мимо,
И въ сладкой тишинѣ потонетъ бытіе,
И взоръ стремится въ даль безъ думы и безъ
цѣли,
Какой то тайною окованы уста,
Какъ бы всѣ чувства онѣмѣли
И сила воли отнята?
Чудесный мигъ! ничто тогда
Души не тронетъ, не встревожитъ
И взволновать ее не можетъ
Ни страхъ, ни горе, ни бѣда!

* *
*

Когда во впадинѣ окна
Святаго храма, я порою
Стою недвижна и блѣдна,
Больная желчною тоскою,
Смотрю на лики, на алтарь,
На высоту священныхъ сводовъ,
То въ сердцѣ много переходовъ
И мнѣ сладка моя печаль,
И мысль о тлѣніи земномъ,
О жизни бѣдной и ничтожной...
Все это только сонъ тревожный
Хочу забыть, забыть о немъ.
Тамъ, тамъ предѣлъ и цѣль желанья!
И, незамѣтно мнѣ самой,
Изъ глазъ горячею струей
Катятся слезы покаянья.

1842.

ВЕСНА.

—

Какъ надмогильный цвѣтъ печалитъ и плѣняетъ,
Такъ предо мной теперь цвѣтущая весна:
Вотще цвѣтетъ она вотще благоухаетъ,—
Ни прежнихъ чувствъ, ни думъ не пробудитъ она,
Вотще такъ радостно дубравы зеленѣютъ;
Вотще поэзія задумчивыхъ лѣсовъ;
Ужели вновь они былой восторгъ навѣютъ
И рой надеждъ, и свѣтлыхъ сновъ?
Нѣтъ! тлѣненъ внѣшній міръ, и тишина лѣсная,
И бѣлыхъ ландышей плѣнительный разцвѣтъ,
Здѣсь на мгновеніе ихъ прелесть неземная
И ихъ обманчивый привѣтъ.
Они завѣтно намъ для чувства открываютъ
Нездѣшнихъ радостей таинственный покровъ,
И что въ нихъ сердце понимаетъ,—
Тому ни звуковъ нѣтъ, ни словъ...

1841.

КЪ . . .

Тебѣль стремиться за мечтою,
Итти на срѣтенье бѣдамъ,
Въ борьбѣ съ людьми, въ враждѣ съ судьбою,
Дорогой бездны по краямъ?
Остановися! чаша жизни
Передъ тобой не почата,
Ты недоступна укоризнѣ;
Еще душа твоя чиста,
И сны младенческіе живы;
И сберегла для свѣта ты
И непорочные порывы,
И сердца свѣжія мечты.
Остановись! ни шагу болѣ!
О, покорись своей судьбѣ!
Хоть сердце бурно проситъ воли,
Зачѣмъ же гибнуть и тебѣ
Въ чаду софизмовъ и сомнѣній,
Надеждъ безсмысленныхъ въ пылу?
Нѣтъ, въ шумѣ свѣтскихъ наслажденій
Стяжаешь свѣта похвалу,

И скромный шопотъ одобренья,
Когда твой образъ сохранитъ
Души высокой выраженье
Съ чистѣйшимъ пламенемъ ланитъ.

**

ЖИЗНЬ.

—

Хоть свѣтлой радости душа не обрѣтала
Еще на утрѣ бытія;
Но какъ-то много я отъ жизни ожидала,
Въ ней что-то чудное таилось для меня.
Всегда желая чувствъ и сильныхъ впечатлѣній,
Какъ много я ждала душевныхъ наслажденій.
Таясь въ самой себѣ, и внѣшній міръ забывъ,
И сердцемъ предана мечтательности вредной;
Мнѣ стоилъ жаркихъ слезъ одинъ мечты порывъ,
Звукъ гармоническій, иль чувства призракъ блѣд-
ный.
Но годы протекли, и жизнь съ своей тщетой
Въ печальной наготѣ явилась предо мной.

1842.

КЪ М. М. С.

—

Порывъ любви, не полное признанье
И тихій вздохъ, подавленный тоской,
Скажи: они влекутъ твое вниманье?
Ты имъ сочувствуешь порой?
И въ шумѣ свѣта, въ сферѣ бала,
Неуловимая—ты раздѣляешь ихъ?
Но проблескъ чувствъ утаенныхъ твоихъ
Отъ жаркихъ щекъ свѣваетъ опахало.
Порой въ пылу сердечнаго раздумья
То улыбнешься ты, то взоръ блеснетъ слезой;
Порой—вотще всѣ блестки остроумья,
Нѣтъ на устахъ улыбки ни одной.
  Любовь мечта! на краткое мгновенье
  Она, какъ зной, и грѣетъ, и томитъ;
  Но сонъ любви, но прелесть упоенья
  Что въ этой жизни замѣнитъ?

УЕДИНЕНІЕ.

—

Люблю зеленый долъ, люблю я лѣсъ пустынный
И прелесть дивную глубокой тишины:
Какъ здѣсь душа тиха, какъ чувства всѣ невинны,
И страсти мелкія въ груди укрощены.
Какъ нечувствительно отъ сердца улетаютъ
Заботы, горести, грядущаго боязнь
И къ жизни ненависть и къ людямъ непріязнь,
Досель враждебныя, мгновенно утихаютъ.
Неискаженная здѣсь жизнь еще прекрасна,
Какъ юность, какъ весна, какъ чистая любовь,
Какъ міръ поэзіи, какъ арфы звукъ согласный,
И улыбается и сердце манитъ вновь,
Въ Его твореніи чудесно совершенномъ
Здѣсь руку моего я Бога узнаю;
Здѣсь все мнѣ кажется прекраснымъ и блажен-
нымъ,
Отсюда и людей, какъ братій, я люблю.

КЪ С—РѢ ЕЛ—РѢ.

—

Привѣтствую тебя, моя сестра,
Благочестивая монахиня, съ тобою
Какъ я люблю бесѣдовать порою,
Ты такъ разумна, такъ добра!
Понятно мнѣ и кроткое веселье
Твоихъ задумчивыхъ очей,
И безъискуственность рѣчей,
И простота смиренной кельи,
Понятно мнѣ забвеніе суетъ,
И образъ жизни трудной, строгой;
Для свѣта въ нихъ плѣнительнаго нѣтъ,
Но для души отжившей здѣсь какъ много!

1841.

ЦВѢТЫ

Люблю цвѣты, цвѣты полей,
Но грусть они на сердце навѣваютъ,
И живо мнѣ напоминаютъ
О милой юности моей;
— Ихъ кратковременность, ихъ тлѣнье
Эмблемы грустныя земнаго бытія,
И въ нихъ минувшее, воскреснувъ на мгновенье,
Не веселитъ, не радуетъ меня.
Нѣтъ, не вина толпы непостоянной,
Ея холодности и странной, и смѣшной,
Что жизни цвѣтъ благоуханный
Ужь такъ давно утраченъ мной.
Что, не извѣдавъ жизнь, ее я разлюбила,
Оравнодушила ко благамъ бытія,
Что вѣра въ счастіе земное измѣнила,
Что трепещу такъ будущаго я.
Я видѣла какъ гибли, исчезали
Всѣ лучшія надежды на земли;
Какъ тѣ цвѣты быстрѣе увядали,
Которые роскошнѣе цвѣли!

ВЪ ПАМЯТЬ М. А. Л—ОЙ

—

На праздникѣ у жизни вѣроломной
Мы были вмѣстѣ — я и ты.
Бывало, притаясь въ твоей свѣтлицѣ скром-
ной,
Мы сердца думы и мечты
И въ краски яркія и въ звуки облекали,
Стремясь къ познаніямъ, бездѣйствіемъ гне-
томъ,
Мой дѣтскій умъ горѣлъ живымъ огнемъ,
И опыты твои меня пугали.
Какъ бремя жизнь ты за собой влекла,
Знакомая со всей ея тщетою;
А я еще надеждами цвѣла,
Какъ птичка вешняя носилась надъ землею,
Мечтала радостно о славѣ и любви,
И плакала, и сердце волновалось,
И фантастически предъ мною рисовалось
Такъ много чуднаго, прекраснаго вдали.
А ты, питомица и жрица вдохновенья,
Съ твоею нѣжною и пылкою душой,

Погибла жертвою страстей и заблужденья,
И мраченъ слѣдъ, проложенный тобой!...
О! миръ тебѣ! ты здѣсь однѣ страданья
Извѣдала.... Въ надзвѣздной вышинѣ
Прости меня, что грусть воспоминанья
Съ мечтой минувшаго проснулася во мнѣ.

1842.

ИДЕАЛЪ.

—

Все тлѣнно здѣсь! Давно мечты мои
Къ небесному нечужды восхожденья.
Узнала я и сладкій крестъ любви,
И скорбь утратъ, и къ міру охлажденье,
Не думая помыслить о земномъ,
Душа летитъ къ тебѣ, предѣлъ любимый,
И близъ Господь въ величіи своемъ —
Но ахъ! слетѣвшаго я вижу серафима
И грустно мнѣ, и я мирюсь съ землей.
О, для чего столь чудное видѣнье?
О для чего, прекрасный ангелъ мой,
Покинулъ ты небесное селенье?
Откуда эти чудныя черты?
Художникъ ли въ порывѣ вдохновенья,
Какъ идеалъ возможной красоты,
Намъ изваялъ твое изображенье?
Мурильо ли тебя нарисовалъ
Въ мигъ творчества въ пылу очарованья?
Но онъ не могъ, не онъ въ тебя вліялъ
Всю эту силу обаянья.

Нѣтъ! ты живешь ты дышишь на земли,
И не рѣзецъ, ни краски не могли бы
Воспламенить огнемъ такой любви
Всѣ тайныя сердечныя изгибы.
Но не хочу земнаго я любить!
Прочь, прочь отъ глазъ, могучее видѣнье!
О, помолись, чтобъ мнѣ тебя забыть!
О, сжалься! для меня инаго нѣтъ спасенья.

ЮНОША.

—

Для юноши прекрасенъ Божій міръ!
Вступая въ жизнь, какъ на роскошный пиръ,
Онъ незнакомъ съ сердечною утратой;
Его грядущее надеждами богато!
Какъ милы первыя мечтанія любви,
Какъ упоительны и сладостны они!
Впервые любитъ онъ, и ежели любимъ,
Кто въ счастіи тогда сравниться можетъ съ нимъ?
Онъ дышитъ славою высокой, неизмѣнной,
И вѣтреной толпы вниманьемъ дорожитъ,
Онъ пылко вѣритъ ей, онъ сердцемъ къ ней летитъ,
Младенческой мечты поклонникъ ослѣпленный:
Связуемъ дружества сочувствіемъ святымъ,
Счастливый юноша, онъ дѣлится съ другимъ
И новой думою, и новою мечтою;
Ему знакома жизнь лишь свѣтлой стороною.
Но есть пора, есть доля на земли,
Гдѣ жизнь — не пиръ роскошный и богатый,

Гдѣ дружбы нѣтъ, гдѣ нѣтъ давно любви,
Гдѣ все взяла утрата и утрата;
Гдѣ бѣдствіе вездѣ, на всѣхъ путяхъ,
Гдѣ гордыя мечты о славѣ позабыты
И гдѣ сосудъ надеждъ разбитый
Уже давно поверженъ въ прахъ!

РОМАНСЪ.

—

Другъ милый, мой ангелъ прекрасный!
Какъ много люблю я тебя;
Люблю я такъ нѣжно, такъ страстно, —
И гибну безумная я!

Хочу лобызать твои милыя руки,
И жажду колѣни обнять,
И радость свиданья и горесть разлуки
Мечтаю въ сей жизни узнать.

Прекрасный! зачѣмъ я тебя увидала?
Ахъ! лучше бы вѣкъ не видать!
И сердце, и думы къ тебѣ приковала,
И тщетно ихъ силюсь отнять.

И помыслы гонятъ меня отовсюду,
Нарушенъ душевный покой. —
Хочу позабыть — на минуту забуду,
И вотъ ты опять предо мной!

Въ душѣ пробудились уснувшія страсти,
Всѣ прежнія думы мои,
И сердце не хочетъ ни славы, ни власти,
А только взаимной любви.

1847.

СКОРБЬ.

—

Есть скорбь: она, какъ бурный водопадъ,
Стремительно волнуясь, ниспадаетъ,
И вмѣстѣ съ памятью утратъ
Ее потокъ забвенья принимаетъ;
И сердце юное въ ней учится страдать.
Но сила новыхъ впечатлѣній
Вновь можетъ седрце взволновать
И свѣять мракъ безплодныхъ сожалѣній!
Другая скорбь—то гостья зрѣлыхъ лѣтъ;
Ее нельзя намъ выплакать слезами;
Она глубокими и рѣзкими чертами
По жизни стелетъ долгій слѣдъ;
Она ночей безсонныхъ достоянье,
Она при свѣтѣ прячется дневномъ,
Она чуждается участія въ другомъ
И любитъ мракъ, безслезное страданье.

1847.

РАЗВАЛИНЫ.

—

Видали ль вы среди долины,
Съ преданьями завѣтной старины,
Великолѣпныя руины
Подъ свѣжей зеленью весны?
И съ думою, и сладкой, и печальной,
Минувшаго слѣдовъ искали ль въ нихъ?
И думали ль когда проникнуть тайну
И бытія, и разрушенья ихъ?

Такъ я стою въ безмолвномъ созерцаньи
Предъ видомъ чудной красоты;
Мнѣ говорятъ: и время, и страданье
Его разрушили черты;
Мнѣ говорятъ: ихъ страсти избраздили,
Прорѣзали недуги скорбный слѣдъ,
Что, какъ весна, онѣ прекрасны были,
И что теперь того ужь нѣтъ.

Я мыслю: живо ихъ очарованье;
Нѣтъ, не могли бъ прекраснѣй быть онѣ:
Почто жь восторгъ и трепетъ обаянья,
И все могущество любви?

1847.

ЛЮБОВЬ

—

Мечта моя, мною любимая,
Мечта о любви недѣлимая
Осталась у сердца на днѣ.
Земному раздѣлу ее недоступную
Тебѣ посвящу я, тебѣ, Неприступному,
И стану любить въ тишинѣ,
И душу, доселѣ преступную,
Очищу въ небесномъ огнѣ.

1846.

*
* *

—

Глубоко чувствую я скорби бытія, —
На нихъ душа моя такъ скоро отзовется!
Но что здѣсь радостью зовется, —
То на землѣ живетъ не для меня.

Ее я помню, какъ во снѣ,
Въ лѣтахъ младенчества, едва не позабы-
тыхъ;
Но сколько тайныхъ чувствъ, доселѣ не от-
крытыхъ,
Я нахожу теперь въ сердечной глубинѣ!

Когда жь о всемъ скорбѣть и плакать я отвыкну,
Такъ нѣжно сострадать, такъ пламенно любить?
Въ міръ поэтическій, въ міръ внутренній про-
никну,
И внѣшней жизнью стану жить?

Молитвой пламенной, надеждой замогильной
Еще въ груди моей жизнь снова закипитъ,
А ѣдкихъ, жгучихъ слезъ источникъ изобиль-
ный,
Быть можетъ, сердце облегчитъ.

III.

ВЗГЛЯДЪ НА МИНУВШЕЕ.

—

Предчувствіе ль сжимало сердце мнѣ,
Или земныхъ заботъ меня стѣсняли путы;
Но я была въ какомъ-то странномъ снѣ,
И радостной не знала я минуты;
Улыбка ли слетала на уста,
Она была грустна и принужденна,
Житейская меня томила пустота,
А въ сердцѣ не было сей жизни сокровенной,
Сей внутренней блаженной полноты.
И міръ, съ его вседневной суетою
Лишенъ поэзіи, идеи и мечты,
Разочарованный лежалъ передо мною.
Я силилась не мыслить, не мечтать,
И съ новой жизнію ужиться я хотѣла
И думала себя пересоздать;
Но въ лучшій міръ душа моя летѣла,

И быстро я стремилась вслѣдъ за ней,
И новыхъ думъ и новыхъ чувствъ искала,
И все, что̀ мило здѣсь еще душѣ моей,
Я перенесть *туда* съ собой желала.

1846.

1-й томъ твореній свв. отецъ.

—

Люблю твои священныя сказанья,
Люблю небесный твой языкъ;
Онъ сладко въ душу мнѣ проникъ,
Гдѣ новый міръ уже возникъ
Бореній духа и страданья;
Она тобой вкусила тишину,
Желавшая давно духовной пищи;
И ей, и немощной, и нищей,
Господь послалъ тебя, прекрасную весну!
Съ любовію и полнымъ дерзновеньемъ,
Когда твоимъ словамъ внимаю я,
Мой умъ теряется предъ Вышнимъ откро-
веньемъ,
Одуховившаго тебя!
Объемлюся твоею чистотою
И духа твоего превыспренній полетъ
Преслѣдую, любуяся тобою.
Самъ Богъ въ Святомъ Григоріи живетъ!

Какое чистое, святое созерцанье
Небесной Троицы, великаго Христа!
Но съ этимъ именемъ, предметомъ обожанья,
Я трепещу, мои безмолвствуютъ уста!

1844.

* *
*

—

Болитъ, болитъ мое земное сердце,
Но не стѣсненъ ничѣмъ безсмертный духъ,
И, странствуя по жизненной юдоли,
Грядущаго я больше не страшусь.
Какъ будто все со мною совершилось,
И на землѣ мнѣ нечего терять,
И только я одно боюсь утратить:
Къ высому стремленье и любовь,
И на пути задержанной остаться
Губительной завистливою тьмой
Съ свѣтильникомъ, угасшимъ безъ елея,
Въ юродивомъ безсиліи души.

1845.

ВОПРОСЪ.

—

Страдать? за чѣмъ и для чего страдать
Въ борьбѣ души съ неясною мечтою?
И новою ль безплодною тоскою
Земную жизнь нещадно убивать?
Скучна она; не жаль разстаться съ нею,
Но Господа ль я стану прогнѣвлять?
Нѣтъ, я сносить ее умѣю;
Страдать? зачѣмъ и для чего страдать?

1847.

ВЕРБНОЕ ВОСКРЕСЕНІЕ.

Въ —мъ М—рѣ.

—

О, много скорби, много слезъ
Мнѣ эта жизнь дала;
Но какъ и что̀ со мной сбылось,
Какъ столько силъ во мнѣ нашлось?...
Я все перенесла!
И если встанетъ предо мной
Страданій грозный рядъ,
Я полечу въ тотъ рай земной
И не взгляну назадъ.
Тамъ все терпѣнья и любви
Уроки намъ даетъ;
Отъ мрака жизни, отъ земли
Къ небесному зоветъ.
И, въ прахъ склонившись головой,
Я слышу, будто надо мной
Хоръ Ангеловъ поетъ.
Тамъ въ длинныхъ отроки кудряхъ

Стоятъ предъ алтаремъ
И держатъ ваіи въ рукахъ,
Не мысля о земномъ.
Въ нихъ пылкость юношескихъ лѣтъ
Смиряетъ Божій страхъ,
Едва скользитъ улыбки слѣдъ
На дѣтскихъ ихъ устахъ;
И въ той обители святой
Всѣмъ ласка и пріютъ.
Туда, какъ бы подъ кровъ родной,
Убогій, нищій и слѣпой
Съ надеждою идутъ.

1847.

КЪ О. Ѳ.

—

Когда я на тебя смотрю,
Когда твоимъ рѣчамъ внимаю,
Я тьму враждебную гоню
И міръ грѣховный забываю.
И мирны помыслы мои,
Свѣтлѣетъ жизни мнѣ дорога;
Твой кроткій видъ, твой голосъ строгій —
Какъ много въ нихъ святой любви!
Въ часы борьбы, въ часы волненья,
Какъ безтѣлесное видѣнье,
Твой образъ чистый я ловлю —
И въ душу скорбную мою
Онъ проливаетъ утѣшенье.

1847.

* *
*

—

Да, иноковъ точно обитель святую
Столь много любимую, сердцу родную,
Кругомъ обтекаетъ рѣка,
И — ой рѣчка зовется,
И въ счастливой рѣчкѣ ведется
Награда трудовъ рыбака.
И вотъ — за оградой раскинуты сѣти, —
Здѣсь юноши — старцы; а старцы, какъ дѣти,
Со взглядомъ наивнымъ и рѣчью простой,
Но съ думой глубокой и жизнью святой.
И вотъ я во храмѣ. Кто это выходитъ,
Едва прикасаясь стопами земли,
Молящихся взоромъ привѣтнымъ обводитъ,
Исполненнымъ кроткой небесной любви?
Вотъ книгу беретъ онъ, вотъ громко чи-
таетъ....
Откуда столь строгій могучій языкъ?
И все, что грѣховно, предъ нимъ умолкаетъ,
И помысловъ смутныхъ въ насъ ропотъ за-
тихъ.

Можетъ быть, эта
Нескромность его оскорбитъ....
И нужноль ему вдохновенье поэта?
Безмолвника лучше молчанье почтитъ.

1846.

СОНЪ.

—

Сбылся зловѣщій сонъ: печальное вдовство—
Вотъ тина, бездна золъ и горькихъ испытаній;
Но милосердое есть въ небѣ Божество,
И есть предѣлъ земныхъ страданій.
И есть другая жизнь: ее я не страшусь,
Хоть, можетъ, для меня она ужасна будетъ!
Съ любовью, вѣрою на страшный судъ явлюсь,
Когда меня труба послѣдняя разбудитъ.
Но есть желаніе — завѣтное оно,—
Его во мнѣ никто не разгадаетъ,
Оно въ груди моей схоронено.
Оно меня вездѣ сопровождаетъ.
Хотѣла бъ *тамъ* я съ нимъ хоть мигъ пробыть,
Сказать: прости меня! излить всѣ сердца муки.
Всю скорбь земной, безвременной разлуки,
И — вновь разстаться, можетъ быть!

1845. іюнь.

Ты миновалъ, безумья сонъ,
И духъ мой снова пробужденъ,
И вновь проснулись сердца муки,
И вотъ — опять передо мной
Все *онъ*, страдалецъ милый мой,
Въ борьбѣ со смертью мещетъ руки,
И нѣтъ конца моей тоскѣ,
И горькій поцѣлуй разлуки
Еще не высохъ на рукѣ.
За этимъ цѣпь воспоминаній
Его заботъ, его скорбей,
Его утаенныхъ страданій
И сиротство моихъ дѣтей!

1846, апрѣль.

НА СМЕРТЬ ДОЧЕРИ

1846, октября 19.

—

О, для чего, мой ангелъ нѣжный, милый,
Ты улетѣлъ такъ рано отъ меня?
О, чѣмъ тебя могла прогнѣвать я,
Тебя, которую такъ много я любила?
Какъ часто здѣсь, въ объятіяхъ моихъ,
Лежала ты, недужная, больная,
То радуя, то снова устрашая....
Но минула пора недуговъ злыхъ;
Чтобъ поразить еще грознѣе и ужаснѣй,
Судьба меня какъ будто берегла.
Ты разцвѣтала, ты росла,
И съ каждымъ днемъ разумнѣй и прекраснѣй.
Въ душѣ твоей, и кроткой, и благой,
Источникъ былъ любви самозабвенной....
О нѣтъ! тебя не стоилъ міръ земной
И жизнь съ ея тревогою презрѣнной.

И мать твоя не стоила тебя!
Но, улетѣвъ, ты вызвала и брата.
О, чѣмъ тебя могла прогнѣвать я?
За что еще столь горькая утрата?
Или законы вѣчные судьбы
На жребіевъ таинственной скрижали
Мнѣ крестъ тоски издавна начертали,
И — тщетны ангела мольбы!

---

* *
*

—

О, не ропщи! святое Провидѣнье
Подстережетъ виновный ропотъ твой.
Скорѣй смягчи его горячею мольбой
Или торжественной минутой размышленья.
Чѣмъ глубже мысль твоя, тѣмъ пламеннѣй мольба.
Чего желаешь ты отъ жизни скорбной, краткой?
Разрѣшены ея завязка и загадка, —
Всего прекраснаго печальная судьба.

Опечатки.

Стр.	Стихъ		напечатано:	должно читать:
11	2	снизу	навоселье.	новоселье
13	5	—	напѣвъ	напѣвъ.
20	6	сверху	средца	сердца.
23	7	снизу	моимъ,	моимъ.
41	3	сверху	мечтой,	мечтой.
49	3	—	Ни ясно-пламенныхъ	Неясно-пламенныхъ
54	5	—	Я чувствую	Я узнаю
63	5	снизу	упрекрай	упрекай
69	3	—	седцу	сердцу
71	4	сверху	спится,	спится.
79	5	снизу	рука,	рука.
80	6	—	зруковъ	звуковъ
111	7	сверху	седрце	сердце
115	1	снизу	И внѣшней	И лучшей